

Наталья КОЗЛОВА, Сергей РАССАДИН

ДИСКУРСИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ: «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» КАК МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВО МОДЕРНА

В ходе анализа так называемого «женского вопроса» в России авторы демонстрируют основные дискурсивные стратегии интеграции отдельных социальных групп в общее «социальное целое».

During the analysis of the so-called woman question in Russia the authors demonstrate basic discursive strategies of integration of certain social groups into a common «social whole».

Ключевые слова:

социальное знание, философия, дискурс, феномен «социального», «женский вопрос»; social knowledge, philosophy, discourse, phenomenon of «social», woman question.

Гендерная проекция российской культуры двух последних столетий, подобно европейской, явно и закономерно отражает господствующие ценностные императивы андроцентричной, патриархатной культуры. Определенная дистанция, поддерживаемая российскими мыслителями и общественными деятелями по отношению ко всем инновациям с Запада, совместно с дискурсивно предзаданными традиционными установками на воспроизведение системы гендерного неравенства породили весьма оригинальную дискуссию о месте и роли женщин в развитии общества.

Концептуализируя проблему гендерного (не)равенства в рамках так называемого «женского вопроса», российская интеллектуальная элита второй половины XIX – первой трети XX в. производила выборочную ассимиляцию европейских наработок в данной области, пытаясь дать свой самобытный ответ на прозвучавший феминистский вызов. Публичная дискуссия в российском обществе XIX – начала XX вв. по «женскому вопросу» показала сложность, многогранность и драматичность процессов модернизации социальных установлений. Созданные, казалось, самой природой традиционные институты – семья, церковь и т.д. – подвергались сомнению и критике. Категориальный аппарат, который их описывал, подвергался значительной переработке. Известный русский мыслитель, «защитник женщин» М. Михайлов назвал существовавшие тогда понятия о женщинах и мужчинах «дряхлой ветошью, которую давно бы пора оставить в покое»¹.

Анализ публичной дискуссии по «женскому вопросу» важен с точки зрения оценки готовности российского общества вообще к социальным трансформациям, к модернизации общественных отношений. В гендерной политической науке равноправие полов рассматривается как неотъемлемый элемент модернизации, а постановка «женского вопроса» и его решение – как фактор социального прогресса². Сама артикуляция «женского вопроса» в родном отечестве свидетельствовала о симптомах разрушения традицион-

КОЗЛОВА

*Наталья
Николаевна –
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
политологии
Тверского
государственного
университета
n_s@pochta.ru*

РАССАДИН

*Сергей
Валентинович –
к.филос.н., доцент;
доцент кафедры
психологии и
философии Тверского
государственного
университета
s_r08@mail.ru*

¹ Михайлов М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX вв. : антология. В 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: ТвГУ, 2005, т. 1, с. 73.

² Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. – М.: РИК Русанова, 1998.

ной культуры, регулирующей отношения между полами, расчленении монолитного «домостроевского» дискурса и плюрализации моделей поведения женщин и мужчин.

Общественная дискуссия в рамках «женского вопроса» разворачивается уже в пореформенной России, хотя первые публикации о роли и значении женщин встречаются еще в XVIII в. Определяя конкретную историческую эпоху постановки «женского вопроса» в России, мы солидаризируемся с теми исследователями, которые поворотным для этого процесса моментом считают время окончания Крымской войны¹. По мнению российского специалиста в области гендерных исследований И.И. Юкиной, в более широком плане постановка «женского вопроса» переключалась с другими актуальными вопросами — крестьянским, жилищным и пр.², обсуждение которых позволяло осмыслить новую конфигурацию социального мира, выраженную в форме «русской нации».

Первоначально осмысление «женского вопроса» происходило в узких кругах мужской интеллектуальной элиты и носило публицистический характер. При этом обе интеллектуальные партии квалифицировали современное им общество пореформенной России как «больное», требующее «лечения». «Только коренное преобразование женского воспитания, общественных прав женщины и семейных отношений — представляется мне спасением от нравственной шаткости, которою, как старческую немощь, больно современное общество», — писал М. Михайлов³. Однако пути и способы «врачебной практики» предлагались различные, в ряде случаев прямо противоположные: одни публицисты предлагали женщинам идти в монастырь, другие — в парламент.

Мужской призыв к постановке и решению «женского вопроса» рассматривался отечественными и зарубежными мыслителями как специфическая черта русского женского движения⁴. Это давало

повод многим исследователям трактовать данный факт как неспособность российских женщин обозначить и решать свои «женские» проблемы собственными силами. А. Дмоховский объяснял отсутствие женской инициативы в собственном освобождении глубокими социальными причинами — силой подчиненного положения: «Женщины усвоили себе вполне рабские понятия; они сочли именно своим преимуществом, своим правом права мужей, отцов и господ над ними; они сочли своим преимуществом права мужей, отцов и господ бить и истязать их»⁵. Возможно, артикуляция «женского вопроса» в России интеллектуальными усилиями мужчин является закономерностью и отражает андроцентризм как социального знания, так и социальной жизни. В рамках традиционного общества только мужчины титульной этнической общности привилегированных социальных статусов являлись носителями власти-знания (в терминах М. Фуко), имели возможность приобрести образование и реализовать его в общественной практике. Подобная ситуация, когда публичную дискуссию начинают представители правящего класса, является вполне закономерной и наблюдается в тех случаях, когда в общественную жизнь вступают периферийные социальные общности. Например, в дискуссии о решении крестьянского вопроса в России сами крестьяне участия практически не принимали. На начальных этапах аболиционистского движения в США чернокожее население не отстаивало свои права с высоких трибун.

При этом для постановки общественной проблемы и выработки предложений по ее решению отсутствие социального опыта признавалось неважным. В данном случае природа андроцентристского знания предполагала, что можно не быть женщиной, но говорить о проблемах данной социальной общности, что приводило к артикуляции скорее «мужского» взгляда. П. Бакунин писал, что женщины «всей душой, всей жизнью и всеми упованиями именно только и стремятся к такой зависимости [от мужчин]. Если они, эти бедные и угнетенные женщины, чего не хотят

¹ Карченкова Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины 19 в. : дис. ...к.и.н. — Омск, 2004, с. 60–62.

² Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. — СПб. : Алетейя, 2007, с. 44.

³ Михайлов М. Указ. соч., с. 41.

⁴ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50–60-е годы XIX века. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.

⁵ Дмоховский А. О правах женщины в России // Мужские ответы на женский вопрос в России. Тверь : Феминист-Пресс, 2005, т. 1, с. 104.

и чего всего более бояться, так именно только своей свободы»¹.

Поэтому принципиально важно для маркировки генезиса «женского вопроса» зафиксировать факт появления женского текста — «Жалобы женщины», опубликованного в журнале «Современник» в 1857 г. Этот факт выводит нас на начало процесса формирования нового типа дискурса, при котором маргинальные социальные группы говорят от имени самих себя, создавая тем самым основу для формирования гражданского общества и системы представительной демократии. По-видимому, именно в связи с отсутствием у женщин права и практик говорения, непосредственно связанных с дефицитом политической власти, мог возникнуть такой тип текста, как жалоба. Далее к дебатам подключились женщины из среды образованных женщин-дворянок, которым и до 1860-х гг. было доступно образование. Фразы: «Я как женщина», «Я как мать», — будут структурировать новый тип говорения, построенный на женском опыте и на признании его уникальности.

Рубежным моментом в дискуссии по «женскому вопросу» стала статья известного российского хирурга Н. Пирогова, опубликованная в журнале «Морской сборник» в 1856 г.² Позиция Пирогова знаменует шаг в сторону перехода от морально-философской позиции к практическому решению «женского вопроса». В рамках утилитарного дискурса он акцентирует внимание на пользе для общества труда медицинских сестер, которые работали с хирургом вместе в Крымскую кампанию. Традиционный поиск женской сущности («злое или доброе естество у женщины») знаменитого эскулапа в принципе не интересовал. Как врач, Пирогов утверждает, что констатация великой «разницы в организации полов, — например, меньший вес в мозгу и проч.», — нельзя принимать во внимание³. Практическая деятельность женщин — вот кредо Пирогова.

Высказанная публично точка зрения

¹ Бакунин П. Запоздалый голос сороковых годов: по поводу женского вопроса. — СПб., 1881, с. 26.

² Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Морской сборник, 1856, № 9 (т. XXIII), с. 559–596.

³ Пирогов Н. Письмо к баронессе Раден. О Крестовоздвиженской общине сестер милосердия. О женском вопросе // Мужские ответы на женский вопрос в России. — Тверь: Феминист-Пресс, 2005, т. 1, с. 33.

Пирогова породила мощный всплеск общественной дискуссии. Как оценить ее качество, насколько «женский вопрос» действительно волновал общественное мнение? Известный русский правовед, либерал Б.Н. Чичерин предлагал для адекватного анализа любой социальной проблемы в рамках общественного мнения использовать такие критерии, как число публикаций на данную тему; наличие не только критики, но и конструктивных предложений; уровень аргументации⁴. Если следовать алгоритму Чичерина, то следует отметить, что указатель литературы по «женскому вопросу» на русском языке составил за 1850-е—1860-е гг. порядка 140 статей. Другие критерии оценки социальной значимости «женского вопроса» в общественном мнении мы можем применить при анализе самих текстов с тем, чтобы сделать собственный вывод о том, утвердилась ли женская проблема «как основная в умах русской интеллигенции».

На первых порах в рамках публичных дебатов «женский вопрос» заключался в частичном исследовании проблем женского образования и улучшения его и лишь позднее развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщин. Если некоторыми диспутантами признавалось, что женщина «слаба, порочна и неразумна» (триада Прудона), то дальнейшие рассуждения о женских правах оказывались бессмысленными.

Как правило, отечественные исследователи, анализируя статьи в российских журналах XIX в., пишут, что в дискуссии по женскому вопросу явно обозначаются либеральный, демократический и консервативный подходы⁵. На наш взгляд, либеральные и демократические взгляды практически совпадают, что позволяет говорить скорее о двух типах социального дискурса в решении «женского вопроса»: 1) эгалитарно-прогрессистском и 2) ортодоксально-консервативном.

Главные пункты различия в позициях обеих сторон сводились к признанию (непризнанию) укорененности «женского вопроса» в России; в разной оценке российской действительности, воплощав-

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. — М., 1899, с. 649–652.

⁵ Карченкова Т.А. Указ. соч., с. 81.

шей в «женском вопросе» либо кризис традиционного общества, либо прогресс в его развитии; в различных способах описания характеристик полов.

Анализируя труды представителей 1-го типа дискурса, можно утверждать, что он постепенно трансформировался в научный. М. Михайлов в своих парижских письмах показал связь «женского вопроса» с устройством семьи, с развитием женской личности. Доводы М. Михайлова заимствованы из европейских работ по антропологии, медицине и феминизму. Русский марксист Ю.Г. Жуковский утверждал жесткость подчиненности женщин и эксплуатации рабочего класса¹. Известный отечественный публицист Д.И. Писарев видел главную причину женской несвободы в господстве мужчины, показав тем самым патриархатность и андрогенричность российского социума: «И если женщина кажется менее развитой, то это результат не природной неполноценности, а недостаточного развития, проистекающего от ее бездеятельности»².

Вторая, консервативная, точка зрения формировалась в весьма своеобразных рамках публицистики, с крайне малым объемом действительно убедительных аргументов. Консерваторы живописали, по сути, мифологические картины, идеальные образы и модели существования русской женщины. В изучаемом дискурсе можно выделить две основные стратегии.

1. «Своему» образу противопоставляется «чужой». Описание последнего, как правило, насыщается обилием негативных коннотаций, рельефно манифестирующих превосходство и чистоту «своего» идеального образа, чаще всего по периметру национальной идентичности.

2. Стратегия максимального наполнения созданного идеального образа всевозможными атрибутами превосходства, включая использование и изначально негативных свойств с последующим изменением их полярности, еще более подчеркивающих риторическую силу дискурса.

Практически все представители «любомудров»-консерваторов считали «женский вопрос» порождением социо-

культурной ситуации в Западной Европе, интеллектуальные истоки которой были заложены маркизом де Кондорсе, М. Уоллстонкрафт, Дж.С. Миллем, Ж. Санд, Р. Мальтусом и др. Поэтому противники постановки «женского вопроса» в форме расширения прав женщин пытались доказать его искусственность для России.

Интересно, что положение женщин в обществе связывалось и консерваторами, и прогрессистами исключительно с их групповыми качествами. Практически во всех текстах можно встретить понятие «женщина», а не «женщины». Индивидуальное своеобразие представительниц женского, впрочем, как и мужского, пола не артикулируется при обсуждении «женского вопроса». Природа женщины трактуется мыслителями всех направлений как неизменная. Показательным в плане аргументации консерваторов является разбор женских персоналий не реальных женщин, а литературных персонажей, представляющих плод мужской фантазии и творчества (пушкинская Татьяна).

Стремясь показать противоположность качеств женского и мужского полов в рамках бинарных оппозиций: например, «сила — бессилие», консерваторы доказывали, что женские качества менее значимы по сравнению с мужскими: например, сила важнее красоты. На наш взгляд, главная задача такой стратегии — не допустить конкуренции мужчин и женщин.

В обсуждении «женского вопроса» в позициях консерваторов наиболее явно прослеживалась общинная, соборная психология, которая в качестве основной ценности выдвигает интересы целого³. Женские проблемы, с точки зрения П. Бакунина, могут быть вписаны только в контекст общих, общинно-общественных задач и не могут претендовать на обособленность. Монолитное видение общественного организма консерваторами определяло женщин как часть целого, при этом обособленные интересы женщин не были связаны с интересами общества как целого, а противостояли им. Поэтому групповые женские интересы представляли прямую угрозу целостности общества. Отсюда и нежелание консерваторов пересматривать традиционные жен-

¹ Жуковский Ю. Затруднения женского дела // Мужские ответы на женский вопрос в России. Тверь : Феминист-Пресс, 2005, т. 1, с. 147–170.

² Писарев Д.И. Русская литература. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Русское слово, 1861, кн. 12, с. 3.

³ Бакунин П. Указ. соч., с. 26–27.

ские роли: семья, дети — главный приоритет женщин.

Практически все консерваторы полагали, что существующий социальный порядок выгоден для женщин. Поэтому они не верили в то, что женщина может добровольно отказаться от него. Более того, ценность семейного очага заключается, с точки зрения М. Меньшикова, в том, что он позволит женщинам избежать новых видов эксплуатации, неизбежно следующих за равноправием.

Таким образом, в противовес эгалитарно-прогрессистскому типу социального дискурса о женщине ортодоксально-консервативный дискурс четко увязывал национальную и гендерную проблематику, формируя систему бинарных оппозиций для характеристики «русских своих» и «нерусских чужих». В «женском вопросе» авторы консервативного направления увидели напряженность отношений русской и нерусской культур: православие против католичества, дух против плоти, мораль против права, традиция против модернизации, идеализм против практицизма, биологический детерминизм против социального конструктивизма.

Данные мыслители рассматривали гендерное неравенство в России как закономерное и желаемое, оправдывая его традиционными стереотипами относительно

неспособности женщин выполнять общественные роли за исключением семейных, отказывая им в способности быть культуртрегерами. Принимая позиции почвенничества и консерватизма, они отрицали саму возможность постановки и тем более решения «женского вопроса» как чуждого потребностям российского общества. С позиций культурного противостояния России и Запада они отстаивали приоритет ценностей российской цивилизации в рамках гендерной системы, связывали постановку и прогрессистское решение «женского вопроса» с крушением основ традиционного общества, разрушением российской цивилизации, потерей национальной самобытности.

Прогрессисты же отмечали в рамках нравственной философии несправедливость неравноправия полов, а с экономической и социальной точки зрения — безусловную практическую пользу потенциальной общественной деятельности женщин.

Подводя итог, можно утверждать, что обсуждение «женского вопроса» в России в конце XIX в. не только превратилось в широкомасштабное обсуждение судьбы российского общества в целом, но и показало фундаментальную сложность и рассогласованность смыслов концепта «социальное» как такового.